

Covenant & Conversation

Jonathan Sacks
THE RABBI SACKS LEGACY

БЕСЕДЫ О НЕДЕЛЬНЫХ ГЛАВАХ ТОРЫ

НА ОСНОВЕ НАСТАВЛЕНИЙ И СТАТЕЙ

РАББИ ЛОРДА ДЖОНАТАНА САКСА, ДА БУДЕТ БЛАГОСЛОВЕННА ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКЕ

Благодарим семью Шиммель за щедрую спонсорскую поддержку цикла Covenant & Conversation, посвященного памяти Гарри (Хаима) Шиммеля. «Я влюбился в Тору рабби Хаима Шиммеля, едва она впервые попала мне в руки. Ее цель – поведать не только о той истине, которая лежит на поверхности, но и о ее взаимосвязи с более глубокой, заветной истиной. Он и его замечательная жена Анна, прожившие вместе 60 лет, вместе построили жизнь, которая была посвящена любви – любви к семье, к общине и к Торе. Эта необыкновенная супружеская пара неизмеримо растрогала меня, подавая пример того, как нужно жить.» – Рабби Сакс

ВАЙЕШЕВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО СВЕТЛАНЫ СИЛАКОВОЙ

Не принимать утешений, не терять надежды

План обмана приведен в исполнение. Йосеф продан в рабство. Братья окунули его рубаху в кровь козла. Они приносят эту рубаху своему отцу и говорят: «Вот что мы нашли! Ты ее узнаешь? Это рубаха твоего сына или нет?» Яаков узнает рубаху и отвечает: «Рубаха моего сына! Дикий зверь сожрал его! Растерзан Йосеф, растерзан!»

Далее читаем: «Яаков разорвал свои одежды, препоясавшись рубищем и скорбел о сыне много дней. Пришли все его сыновья и дочери, чтобы утешить его, но он не принимал утешений и говорил: «Скорбя, сойду я к сыну в могилу!»» (Берешит, 37:34–35).

В иудаизме есть законы, ограничивающие сроки траура: первый период траура, шива, длится семь дней начиная с похорон, второй, шлохим, — тридцать, самый долгий — год. Ни одна утрата не предполагает

неограниченно долгого траура. Как сказано в Талмуде, Б-г увещевает того, кто проливает слезы дольше положенного: «Ты не можешь быть еще сострадательнее, чем Я».

Тем не менее Яаков упорно отказывается утешиться.

Весьма примечательную разгадку тому находим в одном из мидрашей: «Можно утешиться в горе по умершему, но не по тому, кто еще жив». Другими словами, Яаков не принимал утешений, потому что не переставал надеяться, что Йосеф жив. В таком трагическом положении оказываются те, кто потерял родных, но не располагает доказательствами их смерти (например, родители солдат, пропавших без вести на войне). Они не могут пройти через обычные стадии скорби, потому что не могут исключить, что пропавшего все-таки удастся выручить и спасти. Их неутраченное горе — своего рода

проявление преданности, ведь сдаться на милость судьбы, надеть траур, смириться с утратой — что-то наподобие предательства. В таких случаях под скорбью не подводят черту. Отказ утешиться — это отказ расстаться с надеждой.

Но что побуждало Якова не терять надежду? Он же, несомненно, узнал окровавленную рубашу Йосефа, ведь сказал: «Зверь съел его. Йосеф растерзан». Разве эти слова не означают, что он признал Йосефа умершим?

Я нахожу убедительным предположение, высказанное покойным Давидом Даубе. Обращаясь к Якову, сыновья произносят фразу с квазигирической окраской: «Акер на», в буквальном переводе «опознай, пожалуйста». Даубе увязывает этот фрагмент с нижеследующим, выявляя близкие лексические параллели между ними: «Если человек отдаст ближнему на хранение любую скотину — осла, быка или овцу — и та издохнет, покалечится или будет отнята, а очевидца этому нет, — клятва [Именем] Г-спода рассудит обоих, [чтобы подтвердилось], что взявший на хранение не посягнул на собственность ближнего <...> Если оно [животное] было растерзано диким зверем, то пусть он принесет останки в качестве доказательства, и его не обяжут платить за истерзанное животное» (Шмот, 22:10–13).

Ключевой вопрос: в какой мере несет ответственность человек, которому поручено присматривать за животным, то есть сторож (шомер). Если животное пропало из-за халатности сторожа, он виновен и обязан возместить ущерб. Если дело не

в халатности, а в форс-мажорных обстоятельствах — несчастном случае, который невозможно ни предсказать, ни предотвратить, то сторожа оправдывают.

Один из таких форс-мажоров — нападение дикого зверя. Формулировка в законе: «тароф йитареф» («растерзано») имеет прямую параллель с заключением Якова по делу о пропаже Йосефа: «Тароф тораф Йосеф» («Растерзан Йосеф»).

Как нам известно, некий похожий закон действовал еще до дарования Торы. Яков говорит Лавану, который вверил ему свои стада крупного и мелкого скота: «[Животных,] растерзанных [дикими зверями,] я не приносил тебе — возмещал убыток из своего [имущества]» (Берешит, 31:39). Значит, даже в те времена сторожа не несли ответственности за ущерб, причиненный дикими зверями. Также нам известно, что старший брат нес аналогичную ответственность за судьбу вверенного ему младшего брата, например, когда они оставались где-то вдвоем. Вот в чем смысл отговорки Каина, когда Б-г допытывается у него о судьбе Авеля. Каин отнекивается: «Разве я сторож [шомер] брату моему?» (Берешит, 4:9).

Теперь становятся ясны некоторые нюансы в разговоре Якова с сыновьями, вернувшимися без Йосефа. В норме они должны были нести ответственность за исчезновение младшего брата. Чтобы отвертеться, они, как и в случае с более поздним библейским законом, «приносят останки в качестве доказательства». Если на этих

останках есть следы нападения дикого зверя, братьев следует, по тогдашнему закону, признать невиновными. Их обращение к Якову — «акер на» — нужно расценивать как просьбу к суду: дескать, «рассмотри доказательства».

У Якова нет выбора: он должен рассмотреть доказательства и на основании увиденного оправдать сыновей. Впрочем, бывает, что судья вынужден за недостаточностью улик оправдать обвиняемого, но втайне продолжает сомневаться в его невиновности.

Итак, Яков вынужденно заключил, что его сыновья невиновны, но необязательно поверил их словам. Собственно, на самом деле Яков им не поверил, и его упорный отказ утешиться свидетельствует о том, что слова сыновей его не убедили. Он продолжал надеяться, что Йосеф жив. Со временем надежда сбылась: Йосеф остался жив, и в конце концов отец и сын воссоединились.

В еврейской истории мы не раз слышали слова, выражающие безутешность. Их слышал и пророк Ирмеяу:

Так говорит Г-сподь:
«Слышится голос в Раме,
воплъ, рыдания горькие:
Рахель плачет по детям своим,
отказывается утешиться —
нет больше детей у нее!»
Так говорит Г-сподь:
«Удержи голос свой от рыдания
и глаза свои от слез;
ибо будет награда за труд твой, —
слово Г-спода, —
возвратятся они из страны
вражеской.
На будущее — надежда твоя, —

слово Г-спода, —
возвратятся сыновья в пределы
свои.
ИРМЕЯУ, 31:14–16

Почему Ирмеяу был уверен, что евреи вернутся в свою страну? Потому что они отказывались утешиться — а значит, отказывались расстаться с надеждой.

Так было и во времена вавилонского пленения. Это видно по отрывку, который стал одним из хрестоматийных образцов нежелания утешиться:

На реках вавилонских мы сидели и с
плачем вспоминали Сион...
Как петь песнь Г-сподню на
чужбине?
Если забуду тебя, Иерусалим,
пусть отсохнет рука моя.
Пусть прилипнет язык к нёбу,
если не буду помнить тебя,
если не поставлю Иерусалим во
главу веселья своего .
ТЕИЛИМ, 137:1–6

Рассказывают, что в день поста Тиша бе-ав Наполеон, проходя мимо синагоги, услышал плач. «О чем плачут евреи?» — спросил он одного из своих офицеров. «Об Иерусалиме», — ответил тот. «А давно ли они его лишились?» — «Более 1700 лет назад». Тогда император ответил: «Народ, который может так долго скорбеть по Иерусалиму, когда-нибудь обретет его снова».

Евреи — это народ, который не принимал утешений, потому что никогда не терял надежды. Яков в конце концов снова увиделся с Йосефом. Дети Рахели вернулись в свою страну. Иерусалим снова стал

родным домом для евреев. Это произошло, хотя все доказательства пророчили обратное: указывали на невозполнимость утраты, непреложный приговор истории, необходимость смириться с судьбой. Этим доказательствам евреи никогда не доверяли, так как могли им кое-что противопоставить: свою веру, упование на Б-га, неистребимую надежду, которая оказалась сильнее

исторической неизбежности. Не будет преувеличением сказать, что именно эта надежда сохранила еврейский народ. А родилась надежда из простой — впрочем, на поверку не такой уж и простой — фразы из жизнеописания Якова. Он не принимал утешений. Так должны поступать и мы, живя в мире, который исковеркан насилием, нищетой и несправедливостью.